

Свежевыжатый «Любовный напиток»

Анна Нетребко и Роландо Вильясон в Москве

Коммерсантъ. - 2006. - 24 янв. - с. 21.

В Концертном зале имени Чайковского дали совместный концерт две всемирно известные оперные звезды — отечественное сопрано Анна Нетребко и мексиканский тенор Роландо Вильясон (которого афиши безграмотно именовали Виллазон: в испанском языке звуков «лл» и «з» нет). Их выступление сопровождал оркестр «Новая Россия» под управлением приглашенного по случаю молодого немецкого дирижера Михаэля Гюттлера. Певцов слушал

СЕРГЕЙ ХОДНЕВ.

Конечно, суперпопулярный дуэт так и тянет счесть удачной работой продюсеров, догадливо рассчитавших, что эффектное сопрано плюс эффектный тенор по совокупному воздействию куда увереннее найдут путь к сердцам миллионов. И ведь действительно миллионов. Сольная слава Анны Нетребко отличается именно такими масштабами, хотя привлекают ее везде по-разному: в Европе печатают бесконечные фотосессии в глянцевых журналах, одна другой сногшибательнее, и выстраиваются в ажиотированные очереди на ее спектакли; а вот на родине в прошлом году наградили Государственной премией. Феерическая же череда дуэтных выступлений по всему миру сначала с Джозефом Кальехой (еще одной молодой теноровой звездой), а затем с Роландо Вильясоном в эту славу добавила дополнительные волнующие обертоны.

Молодого тенора Роландо Вильясона, «взрослая» международная карьера которого началась лишь пару лет назад, в нашем отечестве знали едва-едва. Так что теперь в зал имени Чайковского шли все-таки «на Нетребку». Когда после тускло и неуверенно прозвучавшей увертюры к «Вильгельму Теллю» Россини тенор молодцевато почти выбежал на сцену, зал поприветствовал его без особого энтузиазма. Однако же чередой своих сольных выступлений (ария Ромео из «Ромео и Джульетты» Гуно, сцена Макдуфа из «Макбета» Верди, ариозо Турриду из «Сельской чести» Масканьи) певец напоист «пробил» и самых недоверчивых. Его голос — сильный, крупный, какой-то пружинистый, тембристый — адекватностью идеального музыкального

На московском концерте Анна Нетребко и Роландо Вильясон показали полное единение творческих натур ФОТО ЮРИЯ МАРТЬЯНОВА

инструмента звучал что в распевной арии вердиевского Макдуфа, что в рваных стенаниях персонажа Масканьи. И это при том, что Роландо Вильясон в последнюю очередь старался показать себя поющим интеллектуалом *par excellence* — он с редкостью для концертных условий раскованностью именно играл, играл свободно и размашисто.

Сольных выступлений у Анны Нетребко было даже меньше — каватина Лючии из «Лючии де Ламмермур», образцово-

показательный белькантовый «хит» да броская ария Русалки из одноименной оперы Дворжака. Этого, однако же, певице сполна хватило для того, чтобы подтвердить ее репутацию феномена. И это все-таки очень своеобразный феномен. Прошлый раз госпожа Нетребко приезжала в Москву на Пасхальный фестиваль в прошлом году, в частности пела Наташу в «Войне и мире». И это было тотальное ощущение чуда и восторг. Прошло с тех пор сами пред-

ставляет сколько времени, у певицы пополнилась дискография — выпустили запись «Травиаты» с ней и Роландо Вильясоном, сделанную на Зальцбургском фестивале. (К слову, запись уверенно рвется в самые продаваемые «Травиаты», но не об этом сейчас речь.) Прослушивание этой записи вызывало ощущения, прямо скажем, противоречивые. Где, спрашивается, чудо? Где восторг? Тембр не самый интересный, верхи с криком, с дыханием непросто,

вкус проблематичный, техника приличная, но не так уж чтобы волшебство.

И вот снова выступление в Москве. И снова охоты брюзжать по большому счету не остается. Ну не поворачивается язык сказать, что примадонна брала исключительно своей победительной красотой, точеной фигурой и взволнованной жестиком. Да, несколько аляповатая красавица дворжакской арии более подходила к ее манере, чем хрестоматийные

колоратуры Доницетти. Да, при удивительных задатках ее вокал оставляет впечатление некоторого несовершенства школы. Но то, чего у нее не отнимешь, — это почти магическое умение буквально на ходу сплетать эдакую ослепительную декорацию. Ощущаются музыкальность, сила голоса, его полетность, артистизм, уверенное владение сценой и аудиторией, а остальное подмечается, но не так чтобы сокрушает. При таком умении понятны и признания певицы о крупных партиях, разученных за пару часов.

«Классические» примадонны должны были быть другими. Но здесь и демонстрировалось совершенно не такое оперное искусство, к которому все привыкли. Разительнее всего это было понятно в многочисленных дуэтах, составлявших хребет концерта. Разыгрывая сцену Адины и Неморино из финала первого акта «Любовного напитка», Роландо Вильясон прихлебывал в качестве эликсира баночное пиво и преловко жонглировал четырьмя апельсинами, пока Анна Нетребко шаловливо прохаживалась между оркестровыми пультами, где-то играясь с кларнетом, где-то полистывая ноты. Апельсины потом натурально полетели в восторженный партер.

Завершая дуэт из «Манон» Массне, певцы демонстрировали страсть с такой всамделишной пылкостью, что неосведомленные слушатели наверняка заподозрили в их повседневных отношениях самые романтические подробности. Выходя петь на бис непременную «Застольную» из «Травиаты», пара лихо дегустировала настоящее шампанское. Цирковых обертонов добавило неожиданное появление в партере какого-то юродивого в священнических одеждах, истощно призывавшего благословение на поющую чету. Видимо, такое вот сочетание цирка вокального и сценического, эффектной зрелищности и «флэшбеков» в серьезное оперное искусство и будет потом считаться характернейшим образцом оперного искусства начала XXI века. Когда-то пели неаполитанские песни на стадионах, а теперь бросаются померанцами, бегло хватая чарующие красоты на просторах от бельканто до веризма.